

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ОБЗОРЫ

© 2009 г. Ф.И. ДУДЧУК

**ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ДВУХ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ:
ГРАНИЦЫ ОПИСАНИЯ И ОБЪЯСНЕНИЯ**

В статье обсуждаются две недавно вышедшие книги российских исследователей: сборник статей «Мишарский диалект татарского языка» и коллективная монография «Структура события и семантика глагола в карачаево-балкарском языке». Оба исследования – результаты полевой работы авторов. Примечательно, что, несмотря на ориентированность на вопросы грамматики двух конкретных тюркских языков, обе работы выходят далеко за пределы частно-языковых исследований и предлагают ответы на ряд фундаментальных вопросов о границе возможного и невозможного в естественном языке.

Формальная тюркология – бурно развивающаяся исследовательская область на пересечении теоретической лингвистики и типологии. Она объединяет работы, предлагающие синтаксический (в основном в рамках той или иной версии генеративной грамматики Н. Хомского) и/или семантический (в основном на базе формальной семантики Р. Монтегю) анализ тех или иных явлений в тюркских языках. С каждым годом растет как разнообразие исследуемых проблем, так и охват языков: если еще в 1970–1980-е гг. немногочисленные формально-тюркологические исследования были основаны только на материале турецкого языка (ср., например, влиятельные работы [Underhill 1972; George, Kornfilt 1981; Kornfilt 1985]), то на сегодняшний день в рамках этого направления существуют работы по татарскому [Sahan 2002], казахскому, турецкому, тувинскому [Harrison 2001; Aygen 2002] и др. Стоит, впрочем, отметить, что количество работ на турецком материале в настоящее время огромно (и по-видимому, много больше, чем на материале всех остальных тюркских) – см., например, избранную библиографию формальных исследований по турецкому на сайте Й.-В. Зварта¹, которая только в 1999 г. включала более 300 наименований и при этом вовсе не претендовала на полноту, а скорее считалась учебной.

В 2006 г. в издательстве ИМЛИ вышло формально-лингвистическое исследование одного тюркского языка, а именно – довольно экзотического для формальной лингвистики карачаево-балкарского. Речь идет о коллективной монографии «Структура события и семантика глагола в карачаево-балкарском языке». Как мы увидим из обсуждения ниже, проблематика книги выходит далеко за рамки частно-тюркологической: можно утверждать, что представленный авторами анализ данных имеет важное значение для общей теории естественного языка.

Другое издание, обсуждаемое ниже, – сборник статей «Мишарский диалект татарского языка», напечатанный казанским издательством «Магариф». Книга включает иссле-

¹ <http://www.let.rug.nl/~zwart/college/1999/turkbib.pdf>

дования по синтаксису и грамматической семантике мишарского диалекта татарского языка и представляет описание и объяснение разнообразных фактов татарской грамматики. Статьи этого сборника нельзя отнести к формально-тюркологическим в том же смысле, что монографию «Структура события...». Одни статьи основываются на функциональных моделях объяснения, в других предлагается внетеоретическое описание и обобщение фактов татарской грамматики. Однако скрупулезность работы с материалом, фальсифицируемость обобщений и эксплицированность изложения позволяет отнести работы, представленные в сборнике, к «формальным» в широком смысле.

I

Сборник статей «Мишарский диалект...» можно без преувеличения назвать долгожданным. Полевая работа, предвавшая написание рецензируемой книги, была проведена в 1999–2000 годах, и, по моим наблюдениям, в литературе ссылки на рукописи некоторых ее статей стали появляться за несколько лет до появления издания.

Книга подразделяется на две части. Первая содержит работы по синтаксису (в основном, сложного предложения и именной группы), вторая – по грамматической семантике мишарского диалекта. Сборник включает 10 статей (по пять в каждой части), приложение с разнообразной справочной информацией (очерк фонетики и морфологии, словарь глагольного управления, образец мишарского текста), библиографию, предметный указатель и сведения об авторах.

- (1) a. *ilnur_i [üz üzene_i aš-a-gan-ɣ-n] ɣnɣt-tɣ.*
 Ильнур сам сам.GEN есть-ST-PFCT-3-OBL.ACC забывать-PST
 ‘Ильнур_i забыл, что он_i поел’.
- b. **ilnur_i [üz üze_i aš-a-r-ga] kil-de.*
 Ильнур сам сам есть-ST-POT1-INF приходить-PST
 ‘Ильнур_i пришел поесть [=сам сам_i поесть]’.

с. *ramil_i [üz üzen_i źɣt źɣrl-ɣj-m] dip ät-te.

Рамиль сам сам.ACC песня петь-ST-1SG SUB говорить-PST
'Рамиль_i сказал, что он [=сам_i] поет песню'.

В статье А.Б. Шлуинского и А.Г. Пазельской «Обстоятельственное предложение» обсуждаются особенности различных типов обстоятельственных предложений в мишарском диалекте: придаточные времени, уступки, условия, причины, цели, места, сравнения. Авторы начинают с описания формальных средств выражения соответствующих обстоятельственных значений. Важнейшую часть статьи представляет раздел о временных предложениях, в котором исследуются как предложения со значениями предшествования, одновременности и следования, так и особые деепричастия на *-р*, обнаруживающие ряд нетривиальных особенностей (заметим, что в монографии «Структура события...» представлен раздел, предлагающий исследование конструкции, включающей аналогичное карачаево-балкарское деепричастие). Выясняется, в частности, что временная интерпретация придаточных, вводимых деепричастием на *-р*, полностью определяется его акциональными свойствами.

Статья П.В. Гращенкова «Изафетная конструкция: многофакторный анализ» представляет функциональное объяснение классической проблемы различения двух изафетных конструкций в тюркских языках – т.н. «второй» (без показателя генитива на зависимом) и «третьей» (с показателем генитива на зависимом). Автор обсуждает три независимых фактора, определяющих употребление одной из двух конструкций: тип референции именной группы, простоту синтаксического анализа при порождении/восприятии предложения и дискурсивную приоритетность. В предлагаемом анализе все три фактора ранжируются, что позволяет автору описать и объяснить дистрибуцию двух изафетных конструкций.

В статье А.Г. Пазельской «Проблема сочинения и подчинения» исследуются сложные предложения с союзом *čenki* 'потому что' и полипредикативные конструкции с частицей *da* и союзом *xäm*, вводящими причинно-следственное отношение, в контексте союзного средства *dip*. На примере этих конструкций автор предпринимает попытку решения одной из важнейших синтаксических проблем отличия сочинения и подчинения. Обнаруживается, что ни одна из анализируемых конструкций не может рассматриваться ни как содержащее каноническую сочинительную связь, ни как содержащее каноническую подчинительную связь. Исследователь предлагает различать, по крайней мере, три уровня рассмотрения конструкции: морфологический (морфологические и лексические показатели конструкции), семантический (значение конструкции) и промежуточный синтаксический уровень, «поведение конструкции на котором может быть подобно ее поведению на семантическом или морфологическом уровнях, а может и демонстрировать некоторые отклонения от такой ожидаемой однородности».

О.В. Ханина в статье «Конструкции с грамматикализированным конвербом глагола речи» предлагает обсуждение интригующего явления, уже известного из других статей первой части сборника, – подчинительного слова *dip*. Исследователь, выделяя два различных типа конструкций с *dip*, делает ряд предположений о синтаксической природе *dip*, сформулированных в терминах теории грамматикализации. Автор апеллирует к двум историческим значениям глагола *di*, к которым восходит *dip*, – 'говорить' и 'называть'. Некоторое разочарование вызывает тот факт, что увлекательные предположения о диахронии слова *dip* не подкреплены никакими синтаксическими тестами на синхронном материале, обычно применяемыми при исследовании сентенциальных актантов. Автор не приходит к определенному ответу на вопрос о том, к какому классу языковых единиц относится *dip* (к подчинительным союзам или к деепричастиям полнозначных глаголов), замечая в конце статьи, что *dip* «представляет собой еще одну иллюстрацию к широко известному тезису о континуальности языковых объектов».

Вторую часть открывают две объемные статьи А.А. Бонч-Осмоловской «Семантика актантных дериваций» и С.Г. Татевосова «Вид и акциональность».

В статье «Семантика актантных дериваций» исследуются свойства показателей, традиционно именуемых показателями страдательного, возвратного, взаимно-совместного и понудительного залогов. Выясняется, что за этими понятиями стоит широкий репертуар актантных дериваций, засвидетельствованный в языках мира; например, показатель страдательного залога, в действительности, может интерпретироваться в зависимости от свойств исходной основы как пассив, декаузатив, имперсонал, потенциальный пассив, медиальный пассив и т.д. Автор предлагает ряд простых и единообразных преобразований, производимых над аргументами глагола, позволяющих, с одной стороны, минимизировать полисемию соответствующих показателей, а с другой стороны – объяснить всё многообразие употреблений этих показателей.

В статье С.Г. Татевосова «Вид и акциональность» обсуждаются аргументы в пользу двухкомпонентной теории вида, акциональная композиция и ее особенности в татарском языке, предлагается акциональная классификация татарских глаголов, формулируется ряд обобщений о том, какие лексические свойства глагола предопределяют его вхождение в тот или иной акциональный класс. В целом, теоретические вопросы, затрагиваемые в работе, во многом совпадают с обсуждаемыми в третьей главе более поздней (по времени написания) монографии «Структура события...», см. подробное обсуждение ниже.

Завершают том три статьи, основанные не только на татарском материале, но и на данных других тюркских языков.

Н.Р. Добрушина в статье «Императив и оптатив» обсуждает проблематику форм побуждения к первому лицу. Исследуя материал многочисленных тюркских языков, автор приходит к выводу, что распространенная точка зрения, согласно которой эти формы следует рассматривать в одном ряду с формами желательного наклонения, является ошибочной. Автор предлагает рассматривать побудительные формы 1-го л. как самостоятельное наклонение – гортатив, противопоставленный формам 2-го л. (императиву) и формам 3-го л. (юссиву).

В другой статье Н.Р. Добрушиной «О семантике одной тюркской модальной категории» читатель находит обсуждение мишарской формы с суффиксом *gajɣ*, которая в контексте показателя отрицания приобретает значение предостережения (*adaşyp ki-mä-gäjɣ* ‘как бы не заблудиться’). Выясняется, что данная форма – единственный сохранившийся в мишарском диалекте рефлекс общетюркских форм на *-*ɣaj* с оптативным значением. Исследователь прослеживает дистрибуцию этих форм в различных тюркских языках и описывает различные изменения их семантики, произошедшие в ходе диахронического развития.

Завершает том статья М.А. Даниэля «Периферийные значения категории числа в татарском и некоторых других тюркских языках». В этой работе обсуждаются разнообразные значения показателя множественного числа: оказывается, что «привычное» значение ‘более одного объекта, обозначенного именной основой’ реализуется далеко не во всех употреблениях показателя множественного числа и далеко не у всех существительных. Исследователь выясняет, что тюркские языки значительно отличаются от, например, славянских с точки зрения того, какие нестандартные значения допускают в них показатели именной множественности. На материале нескольких тюркских языков (кроме татарского, используется хакасский и чувашский материал) автор обсуждает отдельные значения таких показателей – сортовую, дистрибутивную, ассоциативную и др. множественность.

Следует отметить, что сборник статей «Мишарский диалект...» интересен тем, что представляет типологически ориентированный взгляд на различные аспекты татарского языка; его содержание во многих случаях выходит далеко за рамки языкового описания.

II

Структура события и семантика глагола в карачаево-балкарском языке / Авторы коллективного труда Е.А. Лютикова, С.Г. Татевосов, М.Ю. Иванов, А.Г. Пазельская, А.Б. Шлуинский. М.: ИМЛИ РАН, 2006. 464 с. – ISBN 5-9208-0268-5.

Как уже указывалось во вступительной части обзора, основное внимание в коллективной монографии «Структура события...» уделяется не только и не столько карачаево-балкарским данным самим по себе, сколько их анализу в рамках определенной системы теоретических допущений. Основное предположение авторов состоит в том, что синтаксические свойства глагольной основы (в частности, актантная структура и различные ее преобразования) в значительной степени предопределяются компонентами лексического значения, описывающими с т р у к т у р у с о б ы т и я, которое обозначает данная глагольная основа. Задача исследователя, таким образом, состоит в формулировании релевантных компонентов значения и в формализации обнаруженных корреляций между синтаксисом и лексическими свойствами глаголов. При этом тот факт, что авторы монографии используют не только карачаево-балкарский материал, но также обращаются к фрагментам грамматики английского, багвалинского, болгарского, испанского, немецкого, русского, татарского, фиджийского, японского и др. языков, указывает на то, что результаты исследования претендуют на универсальность.

Том «Структура события...» состоит из предисловия, четырех глав, посвященных различным аспектам структуры события в карачаево-балкарском языке, а также из небольшого глагольного словаря, списка сокращений, библиографии и предметного указателя.

В предисловии, написанном С.Г. Татевосовым и А.Б. Шлуинским, формулируется краткое введение в проблематику взаимодействия лексической семантики и аргументной структуры глагола, предлагаются общие сведения о карачаево-балкарском языке, описывается метод исследования. Из предисловия читатель узнает, в частности, что результаты опроса носителей карачаево-балкарского языка накапливались в специальной базе данных. Для каждого из 2070 представленных в ней глаголов база содержит информацию о семантико-синтаксических свойствах четырех актантных дериваций (каузатива, пассива, реципрока и рефлексива), а также об аспектуальных свойствах этих глаголов в формате, разработанном С.Г. Татевосовым [Tatevosov 2002; Татевосов 2005].

Первая глава «Общие представления об аргументной структуре», написанная Е.А. Лютиковой, представляет собой совершенно отдельное по жанру сочинение и заслуживает особого внимания. К сожалению, объем позволяет нам остановиться лишь на нескольких обсуждаемых в ней теоретических вопросах. В главе представлен широкий обзор существующих концепций лексикона и его взаимодействия с грамматикой в различных лингвистических теориях. Вначале вводятся традиционные для отечественной лингвистики понятия валентности, (семантического) актанта, семантической роли, диатезы и т.д., известные из работ Московской семантической школы, см. [Апресян 1974; Мельчук 1974] *inter alia*. Далее автор переходит к обсуждению различных подходов к проблеме **семантико-синтаксического интерфейса**, состоящей в том, как лексическая информация (например, о количестве и ролях глагольных аргументов) отображается в синтаксис (какие структурные позиции должны занимать те или иные глагольные аргументы). Исследователи подробно останавливаются на подходе, использующем понятие иерархии семантических ролей – способу представления информации о том, в каком порядке глагольный предикат принимает аргументы с различными семантическими ролями². Такой подход называется опосредованным отображением лексической информации в синтаксис (*mediated mapping*), см. [Levin, Rappaport Hovav 1996: 38].

² Например, английский глагол *introduce* ‘представлять’ с интерпретацией $\lambda x. \lambda y. \lambda z. [z \text{ introduces } x \text{ to } y]$ принимает аргументы в порядке ТЕМА < ЦЕЛЬ < АГЕНС:

(i) $[[introduce]](Sue)(Ann)(Pat) =$			
$\lambda x. \lambda y. \lambda z. [z \text{ introduces } x \text{ to } y]$	(Sue)	(Ann)	$(Pat) =$
$\lambda y. \lambda z. [z \text{ introduces } Sue \text{ to } y]$	(Ann)	$(Pat) =$	(вводится ТЕМА)
$\lambda z. [z \text{ introduces } Sue \text{ to } Ann]$	$(Pat) =$		(вводится ЦЕЛЬ)
$[Pat \text{ introduces } Sue \text{ to } Ann]$			(вводится АГЕНС)

Альтернативой подобным подходам, как справедливо отмечают авторы, является использование прямого отображения (*direct mapping*), см. [Levin, Rappaport Hovav 1996: 40]. В этом случае обычно принимается некоторый принцип, регулирующий отображение каждой конкретной семантической роли вне зависимости от других ролей в некоторую синтаксическую позицию. Наиболее известным вариантом прямого отображения является принцип единообразия приписывания тета-ролей (Uniformity of Theta Assignment Hypothesis, УТАН) в формулировке М. Бейкера [Baker 1985; 1997].

Замечательным образом, предпочтения исследователей относительно прямого/опосредованного отображения лексической информации в синтаксис зачастую коррелируют с тем, принимают они лексикалистскую гипотезу или нет. К сожалению, в книге эта корреляция не обсуждается. Чаще всего исследователи, предлагающие ту или иную иерархию, эксплицитно или имплицитно соглашаются и с идеей существования лексикалистского словаря – хранилища слов, где каждый вход снабжен многочисленными слотами лексической информации (ср., например, генеративный лексикон Дж. Пустейковского [Pustejovsky 1991; 1995]), а также множество правил, по которым в словаре можно вывести тот или иной дериват / словоформу (наиболее яркие примеры – ранние генеративные работы по фонологии, например [Halle 1973], а также основные работы по лексической фонологии и морфологии (LPM) П. Кипарского [Kiparsky 1983; 1985; 1988]).

Напротив, антилексикалисты в основном не прибегают к ролевым иерархиям или другим нетривиальным лексическим механизмам, отображающим информацию о ролевой/аргументной структуре в синтаксис. Так, например, многие антилексикалисты принимают положение о том, что семантические роли автоматически выводятся из структурной позиции аргумента, т.е. придерживаются так называемого конфигурационного подхода к семантическим ролям. Этот подход восходит к работам К. Хейла и С. Кейсера [Hale, Keyser 1993; 2002]. На этом же положении основывается последовательно антилексикалистская теория **синтаксиса первой фазы** Дж. Рэмченд, лежащая в основе дальнейшего анализа карачаево-балкарского материала, предложенного в рецензируемом томе. В первой главе излагаются основные положения этой теории.

Центральная гипотеза синтаксиса первой фазы состоит в том, что ситуация, представляемая глагольным предикатом и его аргументами, может быть разложена на подсобытия, которые вводятся различными синтаксическими вершинами. Так, каузирующая деятельность агенса – подсобытие, вводимое вершиной *v*, каузируемый процесс вводится вершиной *V*, а результирующее состояние – вершиной *R*. Аргументация Рэмченд основана на наблюдениях над двумя фундаментальными свойствами глагольных предикатов – агентивностью и предельностью, см. подробнее [Ramchand 2003; 2005]. Эти событийные вершины иерархизованы: наиболее вложенной является *R*, следующая по вложенности – *V*, а *v* – самая внешняя. На каждое подсобытие приходится по одному аргументу, причем аргументы вводятся в спецификаторах соответствующих событийных вершин. Тем самым роли аргументов задаются конфигурационно: аргумент в Spec *vP* является агенсом, или, в терминологии Рэмченд и авторов рецензируемой работы – Инициатором, аргумент в Spec *VP* – Претерпевающим, аргумент в Spec *RP* – Носителем результата. Таким образом, словарная информация для каждого глагола исчерпывается набором событийных вершин с указанием на их обязательность/факультативность. Для примера рассмотрим (2).

- (2) a. *John broke the vase.*
‘Джон разбил вазу’.
- b. *The vase broke.*
‘Ваза разбилась’.

В (2a) реализуются вершины *v*, *V* и *R*, а в (2b) – только *V* и *R*. Это позволяет для глагольной основы *break* постулировать в словаре событийную структуру [(*v*) *V* *R*], где скобки указывают на факультативность реализации вершины *v*. Следует отметить, что

Рэмченд отказывается от идеи о том, что одна семантическая роль может быть приписана только одному аргументу: так, в (2) и Претерпевающим и Носителем результата является один и тот же аргумент *vase*. В событийной структуре этот факт отражается в виде коиндексации соответствующих событийных вершин: $[(v) \forall_i R_i]$.

Описанный механизм позволяет моделировать различные структуры аргументов глагола с эксплицитной семантической мотивацией этих структур. Интерпретация трех конституирующих событие вершин представлена в (3).

- (3) a. $\llbracket R \rrbracket = \lambda P. \lambda x. \lambda e. [P(e) \wedge \text{State}(e) \wedge \text{Subject}(x)(e)]$
 b. $\llbracket V \rrbracket = \lambda P. \lambda x. \lambda e. \exists e_1 \exists e_2 [P(e_2) \wedge V'(e_1) \wedge \text{Process}(e_1) \wedge e_1 \rightarrow e_2 \wedge e = e_1 \oplus e_2 \wedge \text{Subject}(x)(e_1)]$
 c. $\llbracket v \rrbracket = \lambda P. \lambda x. \lambda e. \exists e_1 \exists e_2 [P(e_2) \wedge v'(e_1) \wedge \text{State}(e_1) \wedge e_1 \rightarrow e_2 \wedge e = e_1 \oplus e_2 \wedge \text{Subject}(x)(e_1)]$

В (3) Process и State – предикаты над событиями, обозначающие процесс и состояние соответственно, $\rightarrow$ – отношение каузации между событиями, $\oplus$ – мереологическая сумма (см. [Link 1983; Bach 1986]), а Subject – отношение между событийной вершиной и вводимым ей аргументом.

Недоумение вызывает, однако, тот факт, что на такую мощную операцию, как коиндексация вершин, не накладывается никаких ограничений или, по крайней мере, о них нигде не сообщается. Если бы событийные структуры не допускали коиндексацию вообще, а допускали бы только факультативность вершин, предсказывалось бы 19 типов событийной структуры. Как только допускается неограниченная коиндексация вершин, число потенциальных событийных структур возрастает до 42, что, очевидно, требует, как минимум, ответа на вопрос о том, все ли они представлены в языках мира. Кроме того, в ряде случаев вызывает сомнение применимость коиндексации. Например, английский глагол *wash* демонстрирует следующее поведение.

- (4) a. *John washed a baby.*
 ‘Джон помыл ребенка’.
 b. *John washed.*
 ‘Джон помылся’ (рефлексив).

Очевидно, исходя из аспектуального поведения глагола *wash*, его основе будет приписана в словаре событийная структура с вершинами *v*, *V* и *R*.

- (5) *wash*: $[v \ V \ R]$

Пример (4a), где *a baby* является одновременно Претерпевающим и Носителем результата, свидетельствует о коиндексации вершин *V* и *R*, а событийная структура *wash* приобретает следующий вид:

- (6) *wash*: $[v \ \forall_i \ R_i]$

При этом в (4b) Инициатором, Претерпевающим и Носителем результата является *John*. Это заставляет коиндексировать в (6) и вершину *v*, что приводит к запрещению предложения (4a). Однако если вершина *v* останется не коиндексированной, не допускается пример (4b). Заметим, что, если объявить вершины *V* и *R* факультативными, утрачивается обобщение о том, что *Джон* в (4b) является не только агенсом (Инициатором), но и пациенсом (Претерпевающим и Носителем результата). Спасти положение мог бы механизм связывания переменной в позиции Претерпевающего/Носителя результата (ср. аналогичный механизм в теории тета-системы Т. Рейнхарт, известный как рефлексивизация [Reinhart 2002]). Однако соответствующий механизм в этой теории, насколько мне известно, не развит.

Авторы рецензируемого тома, тем не менее, делают ряд предположений о природе рефлексивизации. При обсуждении реципрокальных и рефлексивных дериваций отмечается следующее. Предположительно, ограничения на класс глаголов, образующих рефлексивы, могут быть сформулированы только в терминах идиосинкратических компонентов значения / семантических полей (например, «рефлексивы образуются от глаголов ухода за телом, изменения положения, эмоций и эмоционального говорения и т.д.»). Это является косвенным аргументом о словарном характере рефлексивизации, следовательно, для глаголов типа *wash* следует уже в словаре различать две отдельные событийные структуры.

Кроме изложения концепции Рэмченд и ее предшественников, в первой главе обсуждается разнообразие модификаций аргументной структуры (аргументных альтернатив и актантных дериваций) в языках мира.

В разделе «Повышающие и понижающие деривации. Типологический обзор» в общих чертах изложен предварительный анализ свойств каузативной конструкции в терминах прототипа (аналогичный подходу П. Хоппера и С. Томпсона к переходности [Norper, Thompson 1980] и подходу Д. Даути к свойствам Прото-агенса/Прото-пациенса [Dowty 1991]).

Здесь же на примерах из татарского и балкарского языков вводится дихотомия «контактный vs. дистантный каузатив», важная для последующих разделов книги. В зависимости от свойств исходного глагола образованный от него каузатив обладает дистантными или контактными свойствами. Обнаруживается ряд параметров, по которым различается семантика двух типов каузативов, – например, если контактные каузативы требуют единства места, времени события и его участников, то дистантные не накладывают такого ограничения.

Кульминацией первой главы является ее последний раздел «Актантно-значимые преобразования и структура события», где авторы приходят к синтезу теоретических положений и эмпирических наблюдений, представленных ранее. В этом разделе излагаются формально-семантические подходы к пассивизации и к статусу внешнего аргумента: обсуждается гипотеза А. Кратцера [Kratzer 1996] о функциональной вершине Voice, вводящей в предложениях в активном залоге внешний аргумент. По мысли сторонников этой гипотезы, в этой же вершине в пассивных предложениях располагается пассивная морфология, которая интерпретируется как оператор, связывающий переменную, соответствующую агенту. Гипотеза А. Кратцера основывается на свойствах английских номинализаций и причастий, а также на поведении английских идиом [Marantz 1984]. Дальнейшее развитие эта гипотеза получила в работе [Pykkänen 2002], в которой исследуется каузативная морфема и ее синтаксические свойства. Анализ Пюльккянен и альтернативные ему подходы также обсуждаются в этом разделе.

Завершает главу изложение проблематики актантных альтернатив, а также отдельно обсуждаются возможные подходы к анализу декаузативной деривации. Авторы представляют оригинальный анализ русского декаузативного показателя *ся*: предполагается, что декаузативная морфология в русском языке также располагается в Voice³ и интерпретируется как идентичное отображение одноместного предиката над событиями:

$$(7) \llbracket -ся \rrbracket = \lambda P. \lambda e. P(e)$$

Дополнительные наблюдения, однако, заставляют авторов отказаться от идеи интерпретации *ся*, представленной в (7), и прибегнуть к ранее известному каузативному анализу декаузатива [Chierchia 1989; Падучева 2001], предполагающему включение в интерпретацию показателя *ся* информации о каузирующем событии.

³ В более поздних подходах Кратцер и ее последователей вершина Voice переосмыслена как вершина *v*, так же и у авторов книги.

$$(8) \llbracket -cя \rrbracket = \lambda P. \lambda e. \exists e_1 [P(e) \wedge e_1 \rightarrow e]$$

Аналогичный анализ впоследствии предлагается и для карачаево-балкарского пассивного показателя *-l*, позволяющего получать среди прочих дериваций декаузатив.

Во второй главе книги, написанной М.Ю. Ивановым, Е.А. Лютиковой и А.Б. Шлуинским, представлены данные об аргументной структуре и ее модификациях в карачаево-балкарском языке и предложен их анализ.

Вначале авторы предлагают классификацию непреходных глаголов. Поскольку для используемого теоретического подхода видимы как семантические, так и синтаксические обобщения, используется двухмерная классификация. Так, в разделе 2.2 отдельно исследуются синтаксические и семантические свойства непреходных динамических, переходных динамических и стативных глаголов. Класс балкарских непреходных динамических глаголов подразделяется на подклассы пациентивных (*eri* 'таять'), агентивных (*сар* 'бежать') и агентивно-пациентивных (*titire* 'дрожать') непреходных динамических глаголов. Внутри переходных глаголов также наводится классификация: грамматически релевантными являются классы глаголов способа (*ajit* 'говорить'), процесса (*cajqa* 'качать'), результата (*ac* 'открывать') и глаголов результата со специфицированным компонентом воздействия (*sal* 'класть'). Стативы подразделяются на стативы-состояния (*awru* 'болеть') и стативы-отношения (*bil* 'знать'). Для каждого класса, кроме стативов, приводятся свойства его элементов, сгруппированные в три рубрики: характеристики аргументной структуры (роли аргументов, сведения об их обязательности, селективные ограничения глагольной основы), сфера действия sententialных операторов (возникает ли неоднозначность при присоединении отрицания и реститутивное прочтение при присоединении наречия опять), деривационный потенциал (типы каузативов и пассивов, образуемых от основ данного класса).

Далее излагаются сведения о морфосинтаксических свойствах карачаево-балкарской каузативной конструкции и подробно рассматриваются семантико-синтаксические особенности каузативов, образованных от глаголов различных классов, выделенных ранее. Подвергается подробному обсуждению также упоминавшаяся выше деривация на *-l*, имеющая широкий репертуар значений (потенциальный пассив, медий, декаузатив, каузальный пассив) в зависимости от свойств исходной основы. Завершает изложение данных обсуждение свидетельств рекурсивных дериваций (двойного, тройного и т.д. каузатива и пассива) и обобщение наблюдаемых семантико-синтаксических свойств карачаево-балкарских актантных дериваций с точки зрения их воздействия на событийную структуру исходной основы.

Основная драматургия второй главы разворачивается в последнем ее разделе «Анализ». Здесь авторы возвращаются к теории синтаксиса первой фазы и вносят в ее архитектуру изменения, необходимые для корректного анализа карачаево-балкарского материала.

Авторы отходят от последовательного антилексикализма Дж. Рэмченд, предлагая собственный взгляд на разграничение синтаксической и лексической спецификации событийных структур, связанных с глагольной основой, и принимают следующее допущение. Для предсказания наблюдаемых в карачаево-балкарском языке контрастов в синтаксическом поведении глагольных основ необходимо, по мнению исследователей, различать событийные вершины, обладающие индивидуальной семантикой в зависимости от лексического входа и специфицированные в словаре, и событийные вершины, обладающие общей для всех основ интерпретацией, семантика которых определена раз и навсегда. Так, например, для основ *есть* и *качать* синтаксическая спецификация одинакова – $[v\ V]$, однако, как свидетельствуют данные карачаево-балкарских актантных дериваций, для *есть* как иницирующая деятельность агенса (v), так и процесс (V) являются лексически специфицированными, в то время как для *качать* лексически специфицирован только процесс (V), а в качестве иницирующего может выступать событие любого типа. Это означает, что словарная статья для глагольной основы содержит дополнительную информацию нового типа – интерпретацию лексически специфицированных

событийных вершин. Ср. (9), где в (9a) представлен лексический вход для английского глагола *run* ‘бежать’ à *la* [Ramchand 2003], а в (9b) – для карачаево-балкарского глагола *cap* ‘бежать’ в соответствии с развиваемой авторами книги теорией (подчеркиванием вершины обозначен факт ее лексической специфицированности).

- (9) a. *run*: $[v_i V_i]$
 b. *cap*: $[v_i V_i]$
 $\llbracket V \rrbracket = \lambda x. \lambda e. [\text{Process}(e) \wedge \text{cap}_V(e) \wedge \text{Undergoer}(x)(e)]$
 $\llbracket v \rrbracket = \lambda P. \lambda x. \lambda e. \exists e_1 [P(e_1) \wedge e \rightarrow e_1 \wedge \text{Process}(e) \wedge \text{cap}_V(e) \wedge \text{Initiator}(x)(e)]$

С указанным допущением (и с несколькими дополнительными, имеющими технический характер) авторы получают необходимые структуры первой фазы для каждого из выделенных ранее классов глаголов. В этой же главе предлагается анализ каузативной и пассивной морфем и представлен композиционный анализ каузативных и пассивных конструкций, образованных от глаголов различных классов. Авторы блестяще справляются с противопоставлением однособытийности/многособытийности (например, дистантных каузативов, обозначающих два подсобытия, vs. контактных каузативов, обозначающих одно подсобытие). Обнаруживается следующее обобщение: структура первой фазы описывает единое событие, если она содержит максимум одну вершину *v* или *s* (структурный аналог *v* для стативов). Завершается анализ рассмотрением декаузативной деривации в карачаево-балкарском языке (см. обсуждение выше).

В предложенной теории карачаево-балкарской аргументной структуры вызывает сомнение одно техническое допущение. По замечанию авторов, «для того, чтобы значение глагольной группы было композиционно выводимо, следует, очевидно, приписать различную семантику нетерминальным (то есть имеющим в качестве комплемента другие событийные составляющие) и терминальным вершинам: терминальные вершины имеют тип $\langle e, \langle s, t \rangle \rangle$, в то время как нетерминальные – тип $\langle \langle s, t \rangle, \langle e, \langle s, t \rangle \rangle \rangle$ ». Здесь возникает вопрос о теоретическом статусе понятий «(не)терминального узла»: действительно ли существуют две различные вершины $V_{\text{нетерминальная}}$ и $V_{\text{терминальная}}$? Или же интерпретации терминальных вершин каким-то образом выводятся из интерпретаций нетерминальных? С алгоритмической точки зрения, в синтаксисе первой фазы терминальный узел идентифицируется легко, поскольку интерпретация элементов структуры происходит снизу вверх (терминальной будет первая интерпретируемая событийная вершина). Однако в этом случае без ответа остается вопрос о том, каким механизмом осуществляется эта идентификация и откуда возникает интерпретация терминального узла, поскольку все известные интерпретационные механизмы рекурсивны: например, не существует и не может существовать правила аппликации, определенного отдельно для терминального аргумента/функции. Это означает, что остается наиболее очевидный выход: размножить лексически неспецифицированные событийные вершины в словаре и при каждом глаголе размножить интерпретации лексически специфицированных вершин. Последняя операция влечет еще большее отдаление от антилексикалистских позиций исходной версии синтаксиса первой фазы.

Существует, вероятно, альтернативный подход: можно допустить, что все вершины (в том числе и терминальные) имеют комплемент. Для нетерминальных вершин – это максимальная проекция более низкой по иерархии вложенности вершины, а для терминальных – категориально нейтральная основа, интерпретируемая как одноместный предикат над событиями. Категориальные и прочие свойства этой основы доопределяются дальнейшей синтаксической деривацией. Это позволяет сохранить общий тип для интерпретации всех событийных узлов и вписать теорию в широкий контекст дистрибутивной морфологии, где принят описанный взгляд на категориальные свойства словарных единиц.

Третья глава книги, написанная Е.А. Лютиковой и С.Г. Татевосовым, посвящена проблемам описания и анализа акциональности в естественном языке вообще и в карачаево-балкарском в частности.

Глава начинается с обсуждения закрытого списка акциональных значений, являющихся примитивами в дальнейшем описании карачаево-балкарских данных: приводятся определения и свойства состояния, (единичного) процесса, вхождения в состояние, вхождения в процесс и мультипликативного процесса и обосновывается идея об элементарности акциональных значений. Далее авторы переходят к обсуждению двухкомпонентной теории вида [Smith 1991/1997] и дихотомии «акциональность vs. аспектуальность» – противопоставления акциональных и видовых значений. К первым относятся элементы, указанные выше, к последним – традиционные значения прогрессива, перфектива, перфекта, экспериенциалиса, хабицуалиса и др. Далее авторы переходят к описанию собственной акциональной классификации, основанной на понятии акциональной характеристики глагольной основы – пары вида (Pf, Ipf), где Pf – множество всех акциональных значений любой перфективной формы глагола в эпизодической интерпретации, а Ipf – множество всех акциональных значений любой прогрессивной формы в эпизодической интерпретации. В дальнейшем при изложении и анализе языковых данных используется Презенс в качестве прогрессивной формы и Претерит в качестве перфективной. Аргументируется также необходимость рассмотрения акциональных значений именно при эпизодической интерпретации, а не, скажем, в хабицуальной. Таким образом, акциональным классом – таксоном в предлагаемой авторами классификации – является множество глаголов с одинаковой акциональной характеристикой.

Следующий теоретический вопрос, обсуждаемый авторами, состоит в том, как свойства глагольных аргументов влияют на аспектуальную интерпретацию описываемого события. Исследователи подробно обсуждают проблему акциональной композиции в естественном языке и один из широко известных подходов к ее решению – теорию М. Крипки [Krička 1989; 1992], основанную на полурешетках Г. Линка и мереологических операциях над ними, см. [Link 1983; Bach 1986]. Вводится понятие инкрементальности и инкрементального отношения между глагольным предикатом и его аргументами, обсуждаются три основных типа инкрементальных аргументов: инкрементальная тема (также известная как накопитель эффекта из работы [Падучева 2005]), инкрементальный путь и инкрементальное свойство. После этого авторы переходят к обсуждению особенностей акциональной композиции в карачаево-балкарском языке. Выясняется, что при наличии инкрементального отношения между ситуацией и темой (например, *писать письмо*) свойства предиката определяются свойствами внутреннего аргумента. Квантованные аргументы допускают как предельное, так и неопредельное прочтение клаузы (т.е. клауза сочетается как с обстоятельствами длительности типа *два часа*, так и с обстоятельствами срока завершения типа *за два часа*). При этом кумулятивные аргументы совместимы только с неопредельной интерпретацией. При отсутствии инкрементального отношения свойства аргументов не влияют на предельность/неопредельность. В предикациях с инкрементальным путем (*ехать в Москву, бежать 100 метров*) аспектуальная интерпретация зависит от способа квантования пути: при указании конечного пункта пути (*ехать в Москву*) возникает как предельная, так и неопредельная интерпретация; при указании количественной характеристики пути (*бежать 100 метров*) допускается только предельная интерпретация. Наконец, при сочетании с квантованным инкрементальным свойством (*нагреть воду на 10 градусов*) возникает предельная интерпретация, а с кумулятивным/имплицитным свойством (*нагреть воду*) – как предельная, так и неопредельная.

Далее обсуждается вопрос о том, какие последствия имеет акциональная композиция для акциональной характеристики глагола. Выясняется, что, наблюдая акциональные свойства глагола на примерах предикаций с кумулятивными внутренними аргументами исследователь может заблуждаться относительно истинных лексических свойств глагольной основы, поскольку он наблюдает их через призму сентенциальной семантики, частью которой и является акциональная композиция. Чтобы избежать эффектов акциональной композиции, при построении акциональной классификации авторы предлагают рассматривать предикации только с исчисляемыми аргументами в единственном

числе. После этого авторы предлагают разбиение карачаево-балкарских глаголов на акциональные классы в соответствии со всеми указанными допущениями.

После столь подробного обсуждения теоретических установок и аккуратной подготовки эмпирического материала авторы переходят к анализу материала. Основная гипотеза авторов состоит в том, что существует корреляция между событийной структурой глагола и его акциональной характеристикой, а их основная задача состоит в том, чтобы обнаружить эти корреляции. Оказывается, что наличие тех или иных вершин в событийной структуре глагола коррелируют с акциональными значениями, представленными в его акциональной характеристике. В ряде случаев эта корреляция является легко обнаружимой (например, вершина R и акциональное значение 'вхождение в состояние'), в других случаях – требует специальных свидетельств и дополнительного теоретизирования. Авторы, тем не менее, успешно решают поставленную задачу, используя обобщения, сформулированные в интенциональных терминах, и предлагая различать семантику событийных вершин в соответствии с этими обобщениями.

В последних двух разделах главы авторы предлагают анализ акциональной семантики каузативных и пассивных конструкций, различая случаи однособытийных и двусобытийных (многособытийных) дериватов.

В последней – четвертой – главе, написанной А.Г. Пазельской и А.Б. Шлуинским, представлено частное исследование конструкций со вспомогательным глаголом *tur* 'стоять'. Следует отметить, что рассуждения, приведенные в этой главе, в значительной степени основываются на акциональных обобщениях, изложенных в третьей главе. Это объясняется спецификой указанных конструкций: как отмечают авторы, *tur* является акциональным модификатором.

Под акциональной модификацией понимается преобразование акциональной составляющей структуры события, то есть создание некоторого нового предиката, акциональные свойства которого определенным образом соотносятся с акциональными свойствами исходного, но в общем случае не тождественны им. Морфологическим средством акциональной модификации в карачаево-балкарском языке, как обнаруживают исследователи, является аналитическая бивербальная конструкция, состоящая из деепричастной формы исходного глагола на *-p* и глагола *tur* (конструкция на *-p tur*). При этом для акциональных свойств конструкции релевантна и аспектуальная форма вспомогательного глагола, и форма деепричастия смыслового (перфективная или имперфективная). Подробно рассматривается воздействие акциональной модификации на глаголы различных акциональных классов, а также обсуждаются семантические свойства конструкции на *-p tur* с каузативным и пассивным показателем на вспомогательном и на смысловом глаголе.

Выясняется, что акциональный класс исходного глагола непосредственно коррелирует со значением бивербальной конструкции. Авторы формулируют формальные ограничения на присоединение показателей актантных дериваций к разным частям конструкции. Как отмечают исследователи, обнаруженные обобщения на примере частной глагольной конструкции демонстрируют взаимосвязь между аспектуальной и синтаксической составляющими структуры события: изменения в аргументной структуре вызывают изменения в акциональных свойствах конструкции на *-p tur*.

Завершая обсуждение коллективной монографии «Структура события...», следует отметить две ее важнейшие особенности. Во-первых, в исследовании представлен материал карачаево-балкарского языка, сопровождаемый целым рядом новых синтаксических и семантических обобщений, многие из которых ориентированы не только на обсуждаемые в книге конкретно-языковые данные, но и на естественный язык вообще. Во-вторых, авторам удалось соединить в этой книге, казалось бы, несоединимое: типологически ориентированный подход, использующий наиболее эксплицитные функциональные модели объяснения (как, например, использование прототипа в первой главе), и многообразную технику описания и объяснения, разработанную за последние десятилетия в генеративных синтаксических и формально-семантических исследованиях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Апресян 1974 – Ю.Д. *Апресян*. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974.
- Мельчук 1974 – И.А. *Мельчук*. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл-Текст». М., 1974.
- Падучева 2001 – Е.В. *Падучева*. Каузативные глаголы и декаузативы в русском языке // Русский язык в научном освещении. 2001. № 1.
- Падучева 2004 – Е.В. *Падучева*. Накопитель эффекта и русская аспектология // ВЯ. 2004. № 5.
- Татевосов 2005 – С.Г. *Татевосов*. Акциональность: типология и теория // ВЯ. 2005. № 1.
- Aygen 2002 – G. *Aygen*. Subject case in Turkic subordinate clauses: Kazakh, Turkish and Tuvan // North-Eastern linguistic society. 2002. 32.
- Bach 1986 – E. *Bach*. The algebra of events // Linguistics and philosophy. 1986. 9.
- Baker 1985 – M.C. *Baker*. Incorporation: a theory of grammatical function changing. Ph. D. diss. MIT. 1985.
- Baker 1997 – M.C. *Baker*. Thematic roles and syntactic structure // L. Haegeman (ed.). Elements of grammar. Dordrecht, 1997.
- Chierchia 1989 – G. *Chierchia*. Semantics for unaccusatives and its syntactic consequences // A. Alexiadou, E. Anagnostopoulou, M. Everaert (eds.). The unaccusativity puzzle: Explorations of the syntax-lexicon interface. Oxford studies in theoretical linguistics 5. Oxford, 1989.
- Dowty 1991 – D.R. *Dowty*. Thematic proto-roles and argument selection // Language. 1991. 67.
- George, Kornfilt 1981 – L.M. *George*, J. *Kornfilt*. Finiteness and boundedness in Turkish // F. Heny (ed.). Binding and filtering. Cambridge (MA), 1981.
- Hale, Keyser 1993 – K.L. *Hale*, S.J. *Keyser*. On argument structure and the lexical expression of syntactic relations // K. Hale, S.J. *Keyser* (eds.). The view from Building 20: Essays in honor of Sylvain Bromberger. Cambridge (MA), 1993.
- Hale, Keyser 2002 – K.L. *Hale*, S.J. *Keyser*. Prolegomenon to a theory of argument structure. Cambridge (MA), 2002.
- Halle 1973 – M. *Halle*. Prolegomena to a theory of word formation // Linguistic inquiry. 1973. 4.
- Harrison 2001 – K.D. *Harrison*. Topics in the phonology and morphology of Tuvan. Ph.D. diss. Yale University, 2001.
- Hopper, Thompson 1980 – P.J. *Hopper*, S.A. *Thompson*. Transitivity in grammar and discourse // Language. 1980. 56.
- Kiparsky 1983 – P. *Kiparsky*. Word formation and the lexicon // Proceedings of the 1982 Mid-America linguistics conference. 1983.
- Kiparsky 1985 – P. *Kiparsky*. Some consequences of lexical phonology // Phonology yearbook. 1985. 2.
- Kiparsky 1988 – P. *Kiparsky*. Phonological change // F. Newmeyer (ed.). Linguistics: the Cambridge survey. 1. Cambridge, 1988.
- Kornfilt 1985 – J. *Kornfilt*. Case marking, agreement, and empty categories in Turkish. Ph.D. diss. Harvard University, 1985.
- Kratzer 1996 – A. *Kratzer*. Severing the external argument from its verb // J. Rooryck, L. Zaring (eds.). Phrase structure and the lexicon. Dordrecht, 1996.
- Krifka 1989 – M. *Krifka*. Nominal reference, temporal constitution and quantification in event semantics // R. Bartsch, J. van Benthem, P. van Emde Boas (eds.). Semantics and contextual expression. Dordrecht, 1989.
- Krifka 1992 – M. *Krifka*. Thematic relations as links between nominal reference and temporal constitution // I. Sag, A. Szabolcsi (eds.). Lexical matters. Stanford, 1992.
- Levin, Rappaport Hovav 1996 – B. *Levin*, M. *Rappaport Hovav*. From lexical semantics to argument realization. Ms., Northwestern University, 1996.
- Link 1983 – G. *Link*. The logical analysis of plurals and mass terms: a lattice theoretical approach // R. Bäuerle, C. Schwarze, A. von Stechow (eds.). Meaning, use, and the interpretation of language. Berlin, 1983.
- Marantz 1984 – A. *Marantz*. On the nature of grammatical relations. Cambridge (MA), 1984.
- Pustejovsky 1991 – J. *Pustejovsky*. The generative lexicon // Computational linguistics. 1991. 17.
- Pustejovsky 1995 – J. *Pustejovsky*. The generative lexicon. Cambridge (MA), 1995.
- Pyłkkänen 2002 – M. *Pyłkkänen*. Introducing arguments. Ph.D. diss. 2002.
- Ramchand 2003 – G.C. *Ramchand*. First phase syntax. Ms., University of Oxford, 2003.
- Ramchand 2005 – G.C. *Ramchand*. Verb meaning and the lexicon. Ms., University of Tromsø, 2005.
- Reinhart 2002 – T. *Reinhart*. The theta-system – an overview // Theoretical linguistic. 2002. 28.
- Sahan 2002 – F. *Sahan*. Nominal clauses in *Kazan Tatar*. Ph.D. diss. University of Wisconsin-Madison, 2002.
- Smith 1991/1997 – C.S. *Smith*. The parameter of aspect. Dordrecht, 1991/1997.
- Tatevosov 2002 – S. *Tatevosov*. The parameter of actionality // Linguistic typology. 2002. 6.
- Underhill 1972 – R. *Underhill*. Turkish participles // Linguistic inquiry. 1972. 3.